

Т. В. Панич
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия. tvpanich@ngs.ru

СЮЖЕТНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ЦЕРКОВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Сюжетное повествование в церковной публицистике второй половины XVII в. исследуется в статье на материалах литературного наследия сообщества писателей круга патриарха: книг «Увет духовный» и «Щит веры», связанных с именем Афанасия Холмогорского, «Сибирских посланий» Игнатия (Римского-Корсакова) и других текстов. Рассмотрены особенности использования сюжетного повествования в структуре привлеченных к анализу сочинений; определен характер авторской интерпретации и обработки сюжетов; установлены их роль и функции в полемическом дискурсе церковных публицистов второй половины XVII в.

Ключевые слова: церковные писатели XVII в., публицистика, источники, сюжетное повествование

Среди многочисленных произведений публицистики второй половины XVII в. значимое место занимают тексты церковных писателей, составлявших сообщество книжников из окружения патриарха, так называемых грекофилов, сторонников греко-византийской православной традиции в развитии русской культуры. Творчество представителей данного сообщества было направлено на поддержание и укрепление православной церкви, сохранение традиций православия. Подобную стратегию авторов определяла сложившаяся ко второй половине XVII в. культурно-историческая ситуация, подоплекой которой явились события, связанные с церковной реформой патриарха Никона, расколовшей Русскую православную церковь; нараставший процесс секуляризации и эмансипации культуры; активизация западноевропейского культурного и конфессионального влияния и другие факторы социокультурных перемен.

Доминирующими темами в сочинениях церковных публицистов были темы борьбы с противниками обрядовых нововведений – староверами, а также с выразителями новых культурных взглядов, проводниками западноевропейской учености – латинствующими. Наиболее ярким проявлением противостояния грекофилов с представителями данной группы писателей стала полемика по вопросу о времени пресуществления святых даров на литургии, которая занимала особое место в череде событий второй половины XVII в.: евхаристические споры затронули практически все слои общества и сохраняли свою актуальность в течение нескольких лет. Им было посвящено немало сочинений. Однако в более полном виде история полемики нашла отражение в книге «Щит веры», которая, по словам Д. В. Цветаева, являет собой «энциклопедию полемической литературы» своего времени [Цветаев, с. 178]. Книга связана с именем Афанасия Холмогорского. Им был выполнен основной труд по редактированию и композиционному оформлению материалов, подготовленных его помощниками и единомышленниками – участниками евхаристических дискуссий. В состав «Щита веры» вошли, например, тексты Евфимия Чудовского, переписка патриарха Иоакима с украинскими иерархами, отдельные сочинения, надписанные именами патриарха Иоакима и его преемника Адриана. «Щит веры» содержит и собственные тексты холмогорского владыки¹.

¹ Книга не была опубликована, хотя и получила благословение патриарха Адриана на ее издание. Существует две редакции книги: Основная (она представлена несколькими списками конца XVII – начала XIX в.) и Дополненная (известен ее единственный список конца XVII в. – ГИМ. Синодальное собрание. № 346). Текст Основной редакции сформировался после казни Сильвестра Медведева (11 февраля 1691 г.): все выявленные списки «Щита веры» содержат посвященную Медведеву «Повесть о расстриге», которая сообщает о его смерти (имеются в виду полные списки «Щита веры» или же списки книги в извлечениях, но с «Повестью о расстриге»). Работа по подготовке Дополненной редакции «Щита веры» продолжалась на протяжении нескольких лет, включая 1699 г. Об истории текста книги см.: [Панич, 2004, с. 151–179].

Из сочинений, направленных против ревнителей «древлего благочестия», хорошо известны такие тексты, как печатная книга «Увет духовный»² и сохранившийся в рукописном виде эпистолярный комплекс архиерейских посланий митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) «На арменов и полуарменов», получивший в научной литературе название «Сибирские послания»³. Как и «Увет духовный», «Сибирские послания» посвящены борьбе с церковным расколом: сочинение направлено против оппозиционного движения урало-сибирского старообрядчества. Данный эпистолярный комплекс является не только важным источником по истории урало-сибирского старообрядчества, но и может рассматриваться в качестве одного из интереснейших памятников публицистики конца XVII в., который отличает сильно выраженное литературное начало.

В эти годы появился и ряд других произведений, вышедших из-под пера церковных публицистов, в которых отражены актуальные идеи и темы времени. Например, тексты полемико-публицистической направленности Евфимия Чудовского, связанные с именами Петра Артемьева и Григория Скибинского (оба перешли в католичество ради обучения в европейских учебных заведениях, за что подверглись осуждению со стороны духовных властей, от имени которых и выступал Евфимий); антистарообрядческое сочинение «Извещение чудесе о сложении перстов», изданное от имени патриарха Иоакима (М., 1677); послание Игнатия (Римского-Корсакова) Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима⁴, написанное им еще в бытность архимандритом московского Новоспасского монастыря и вошедшее позднее в Житие патриарха, и другие сочинения.

Все названные публицистические труды основаны на множестве исторических и литературных источников, разных по жанру и времени написания. Ведя полемику с идейными противниками и выстраивая систему аргументов в защиту своей позиции по тому или иному вопросу, авторы данных сочинений опирались на огромный пласт текстов (в том числе и переводных): исторических, церковно-канонических, догматических.

Среди источников, к которым обращались церковные писатели, особое место занимали тексты сюжетного повествования (повести, жития, видения, чудеса и произведения других жанров). Изучение особенностей их использования, а также определение функций, которые выполняли тексты сюжетного повествования в публицистических сочинениях рассматриваемых авторов второй половины XVII в., представляет научный интерес. Результаты исследования могут быть полезны для детализации общей картины литературного процесса переходного периода.

Если обратиться к анализу интересующих нас сочинений публицистов второй половины XVII в., то можно увидеть, что, помимо цитат из памятников книжного наследия Древней Руси, они содержат выписки из литературных трудов их современников, в том числе произведений авторов из противоположного лагеря. Так, в книге «Увет духовный» наряду с такими памятниками древнерусской письменности, как летописное сказание о путешествии

² Как было установлено С. А. Белокуровым, авторство «Увета духовного» принадлежит первому холмогорскому архиепископу Афанасию (Любимову) [Белокуров]. Книга издана Московским печатным двором в 1682 г.

³ Л. Б. Воронова выявила и описала 14 списков комплекса, представляющих две его редакции [Воронова]. Третье послание содержит авторскую дату – 1696 г. О датировке Первого и Третьего посланий см.: [Никулин, 2015, с. 193–195]. Публикацию текста по списку из библиотеки Афанасия Холмогорского (БАН. Архангельское собрание. С 220) см.: Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

⁴ Данное послание обращено к широкому кругу читателей, о чем свидетельствует не только его публицистический пафос, но и такие слова автора: «Аз же, яко слышах, сице и написах в полезное читателем» (РГБ. Ф. 29 (Собрание И. Д. Беляева). № 29/1535. Л. 62 об.–63).

в славянские земли Андрея Первозванного и Великие Минеи Четии митрополита Макария⁵, широко использован текст печатного антистарообрядческого трактата Симеона Полоцкого «Жезла правления» (М., 1667)⁶.

Можно наблюдать также разный характер рецепции привлекаемых сюжетных форм, особенности авторской трактовки и обработки их при включении в композиционную структуру создаваемого произведения. Так, наряду с использованием полного текста того или иного источника в отдельных случаях заимствуемый сюжет присутствует в публицистическом сочинении лишь в виде фрагмента, простого упоминания или краткой ссылки на отдельные его части. Сам сюжет при этом остается за рамками повествования, как бы побуждая читателя извлечь из собственной памяти названное автором-публицистом произведение в его целостном виде.

В качестве примера подобной работы с источником можно указать на один из фрагментов «Увета духовного», где автор дискутирует с защитниками «старой» веры о форме креста. Обращаясь к авторам старообрядческой челобитной, он пишет: «Такожде и на сосудех Антония Римлянина, иже в бочке морем принесены быша в Великий Новград, ныне же во святей велицей соборной церкви на Москве те сосуды, на них же знамение креста сице четвероконечным образом, яко же zde изобразися»⁷. В данном отрывке Афанасий Холмогорский убеждает старообрядцев, отвергающих четырехконечный крест, в каноничности этой формы, указывая на подобные кресты, изображенные на священных сосудах новгородского святого Антония Римлянина. То есть он делает отсылку к Житию святого⁸. Таким образом, в «Увете духовном» присутствуют лишь некоторые элементы мотивной структуры Жития Антония Римлянина. Автора интересует здесь не сюжет Жития святого, а только те его составляющие, которые свидетельствуют в пользу излагаемой им точки зрения. При этом в системе аргументов архиепископа Афанасия тесно переплетаются сведения о реальных предметах богослужбной утвари, по преданию, принадлежавших новгородскому святому Антонию, и легендарные события, описанные в его Житии. Автор «Увета духовного» напоминает также о том, каким образом сосуды оказались в Великом Новгороде, актуализируя один из сюжетных компонентов Жития – мотив чудесного морского плавания («иже в бочке морем принесены быша в Великий Новград»). Согласно Житию Антония Римлянина, святой чудесным образом приплыл в 1105 г. в Великий Новгород из Рима на отколовшемся от скалы камне. При этом запечатанные в бочку сокровища (на которые позднее был возведен каменный храм) следовали за Антонием тем же морским путем. Таким образом, чтение приведенного выше фрагмента «Увета духовного», несомненно, влекло за собой воспоминания читающего и о чудесном плавании святого на камне, и о других событиях Жития, укоренившихся в его культурной памяти.

В усеченном виде в «Увете духовном» был использован и апокрифический сюжет об Андрее Первозванном, известный по Повести временных лет. Он включен в раздел, где Афанасий Холмогорский, отвечая на претензии авторов челобитной, пространно рассуждает о преемственной связи русской и греко-византийской церковью. Рассматривая актуальные проблемы общественной и церковной жизни своего времени и обосновывая закономерность и необходимость реформы патриарха Никона, автор книги представил собственную

⁵ Автор «Увета духовного» включил в книгу Предисловие митрополита Макария к ВМЧ (см.: Увет духовный. М., 1682. Л. 266–270).

⁶ На это впервые обратил внимание А. Гаврилов, который, правда, считал автором «Увета духовного» патриарха Иоакима [Гаврилов, с. 11–12].

⁷ Увет духовный. Л. 121–121 об.

⁸ Издание текста Жития Антония Римлянина см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 1. С. 263–270.

трактовку летописного сказания: он дополнил сюжет мотивом крещения, которого не было в первоначальном тексте, трактуя легендарное событие как начальный этап в истории Русской церкви. Отвечая на поставленный им самим вопрос: «откуда великая и малая и белая Россия прияша святое крещение и благочестия догматы...», он говорит о первом «просвещении» (крещении) Руси, воспринятом через Андрея Первозванного, патрона Византии, от византийской церкви: «Сие первое просвещение Россия прият апостолом от цареградския Церкви»⁹.

Если обратиться к «Щиту веры», то и здесь можно обнаружить подобный избирательный характер использования сюжетного повествования. Например, в книге фрагментарно представлено Житие Сергия Радонежского¹⁰. Имеется в виду глава, посвященная Ферраро-Флорентийскому собору и описанию злоключений его русских участников, сопровождавших митрополита Исидора: суздальского пресвитера Симеона и тверского посланника Фомы. Оба не приняли Унию и поэтому подверглись гонениям со стороны латинян. В рассказе о них использован эпизод, имеющийся в Житии Сергия Радонежского, а именно, чудо «О пресвитере и о муже, бывших в латынских странах»¹¹. В нем речь идет о явлении преподобного Сергия в видении пресвитеру Симеону и о его покровительстве путешественникам, оказавшимся при возвращении на Родину в «непроходимом» городе и пытавшимся уйти от преследования: «Ему же, Симеону, явися на пути преподобный Сергей, чудотворец Радонежский, и рече ему, похваляя Марка Эфесскаго, яко благословен он Богу, зане последова стопам апостольским, яко на соборищи оном никто ему соодоле ни именми, ни ласками, ни прещенми мук, яко и сам видел еси, и благословение от него восприял еси, и на прелесть ни уклонился еси. Сего ради и пострадал еси. И еже ти наказание, от святаго Марка повеленное, проповеждь, амо же поидеши, всем православным...»¹². Преподобный обещает Симеону, что он и его спутники останутся невидимыми для их преследователей и таким образом выберутся из города, что и происходит: «И тако проведе я сквозе град непроходный»¹³. При сопоставлении данного фрагмента с указанным выше текстом чуда из Жития Сергия Радонежского, где события описаны достаточно подробно (приводится диалог пресвитера Симеона со святым, присутствует некая христианка, к которой преподобный Сергей направляет путников и которая посылает им на помощь «своего отрока», говорится об их молитве к святому, после чего стражники отворили «врата железная, ничтоже рекше», раскрываются и другие детали сюжета), хорошо видно, что составители «Щита веры» значительно сократили используемый текст, сохранив такую его составляющую, как чудесное спасение русских путешественников и чрезвычайно важный для них смысловой посыл явленного чуда – свидетельство верности православию эфесского митрополита Марка, проявленной им на Ферраро-Флорентийском соборе. В книге эта мысль специально подчеркнута следующими словами, обращенными к читателям: «Зде разумей, яко святаго мужа Марка Ефесскаго подтверди Бог пречудне»¹⁴.

⁹ Увет духовный. Л. 227. Подробно об отражении легенды в «Увете духовном» см.: [Панич, 2010].

¹⁰ Трудно сказать, на какой список Жития (или содержащий его текст-посредник) ссылаются составители «Щита веры». В списке книги из библиотеки Афанасия Холмогорского (РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1570) на поле л. 113 об. имеется ссылка не только на Житие преподобного, но и на Книгу о вере, использующую этот же эпизод: «Житие святаго Сергия Радонежскаго, глава 110 и Книга о вере, глава 18».

¹¹ По мнению Н. С. Тихонравова, данное чудо представляет собой позднейшую вставку во вторую Пахомиевскую редакцию Жития Сергия Радонежского (см.: Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. II. С. 202). Текст чуда опубликован ученым по рукописи РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 370. Л. 195–202 (Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. II. С. 111–116).

¹² РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1570. Л. 113 об.–114.

¹³ Там же. Л. 114.

¹⁴ Там же.

Надо отметить, что в «Щите веры» тексты сюжетного повествования представлены более широко в сравнении с «Уветом духовным». К тому же они часто приводятся в полном виде. Например, в книгу вошла «Повесть о расстриге Сильвестре Медведеве» Евфимия Чудовского, которой принадлежит одно из ключевых мест в композиционной и смысловой системе «Щита веры» [Панич, 2004, с. 199–221]. Ее автор, как уже было сказано, принимал активное участие в подготовке «Щита веры», написав для книги ряд текстов. Среди подобных включений можно назвать и небольшой сюжет из Жития Епифания Кипрского о бесноватом юноше, последователе Оригена, который был исцелен молитвами святого, изгнавшего из него демона. Примечательно, что данный сюжет использован здесь с целью характеристики Сильвестра Медведева, который, по словам автора, уподобился прельщенному бесами юноше и внес в Русскую церковь «латинский обычай и ересь». В «Щите веры» также использовано Слово из «Лимонаря» об оклеветанном епископе. Текст Слова (в котором также присутствовал элемент чуда) при этом был переосмыслен и отредактирован в соответствии с полемическими задачами составителей книги. Если в патериковом сюжете главная мысль сводилась к оправданию невинно пострадавшего из-за народной клеветы епископа, то в «Щите веры» интерпретация центрального события повествования (совершившегося пресуществления святых даров во время схождения Святого Духа и не раньше!) была направлена на то, чтобы доказать справедливость учения православной церкви по спорному вопросу.

В связи с проблематикой нашей статьи большой интерес представляют «Сибирские послания» митрополита Тобольского и Сибирского Игнатия, в структуре которых содержится немало текстов сюжетного повествования, имеющих отношение к главной теме этого эпистолярного комплекса – теме раскола. Сюжетные вставки содержит Третье послание, которое значительно отличается от двух первых посланий: оно самое пространное и к тому же разделено автором на главы, многие из которых представляют собой тексты сюжетного типа. Несмотря на небольшой объем, данные главы содержат жанровые признаки повести (примечательно, что митрополит Игнатий сам называет их «повестями» или «сказаниями»). Как правило, они включают такие элементы, как завязка, развитие действия (действие реализуется в комплексе эпизодов), кульминация и развязка.

В качестве примера можно обратиться к двум главам, входящим в Третье послание (40-й и 41-й): «Повести о чудеси преподобных Зосимы и Савватиа» и «Явлению преподобных Зосимы и Савватиа и сказанию их о обители». Последовательность и тесная связь изложенных в обоих текстах событий организует единое повествование.

В повести рассказывается о том, как некий житель Подмосковья тяжело заболел и, чувствуя приближение смерти, призывал в молитвах святых Зосиму и Савватиа Соловецких и просил их об избавлении от мучившего его недуга. В случае выздоровления он обещал совершить путешествие в Соловецкий монастырь для благодарственного молебна.

Вскоре больной был исцелен по молитвам чудотворцев. Однако никак не мог осуществить свой обет – посетить Соловецкий монастырь, так как обитель была в осаде. Но через какое-то время исцеленному было видение: во сне ему явились преподобные Зосима и Савватий. Они обратились к нему с вопросом: «Почто убо обет свой не исполняеши и во обитель нашу не идеши? Се убо ныне обитель нашу Господь Бог молитвами пресвятыя Богородицы избавил есть от врагов наших, и в прежнее благокрасотство устроися. Смущающи же во святой Церкви трудов наших вси погибоша и казни предашася»¹⁵.

После этого избавившийся от недуга герой повествования беспрепятственно смог исполнить свой обет, посетив в 1677 г. Соловецкий монастырь, сделав пожертвование в обитель и поведав настоятелю и братии о сбывшемся на нем чуде: «Исцеленый же оный человек,

¹⁵ Цит. по: Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) ... С. 226.

абие востав, иде из дому своего с прочими богомолцы в Соловецкий монастырь в лето 7185. И пришед, исполнив молебная и подаде милостыню братии, часть же имения своего во святую обитель чудотворцам подаде, и сие на нем бывшее чудо, и учение святых о шествии во обитель Соловецкую настоятелю обители тоя и братии возвестив, отиде во страну свою, благодаря Бога и преподобных чудотворцев»¹⁶.

Как видим, содержание повести нацелено на то, чтобы обличить противников церковной реформы, а сопутствующими описываемым событиям чудесами засвидетельствовать правоту позиции патриаршей церкви¹⁷. Митрополит Игнатий сопровождает пересказанную им историю примечанием от себя, как бы доказывая достоверность бывшего чудесного события. Он пишет, что сам лично слышал эту историю от братии Соловецкого монастыря, когда жил там в течение нескольких лет, исполняя обязанности епископа¹⁸: «И сие убо аз, смиренный, слышах от братии монастыря того, поведавших ми повесть сию о чудеси соловецких чудотворцев, пребых бо тамо по очищении обители в том Соловецком монастыре три лета, послушание проходя епископа, еже есть бых уставником церковнаго благочиния. Сего ради и достоверно вашей любви пишу»¹⁹. Но главным уроком истории, рассказанной митрополитом Игнатием для своей сибирской паствы, по его мнению, является то, что неправота взглядов староверов была подтверждена чудом – явлением преподобных Зосимы и Савватия Соловецких: «Внимайте убо, возлюбленнии, сей повести, молю вас, како преподобнии являющиеся, возвещают нам, яко врази рекоша Божию, уже бывшия во обители нашей казни предашася. И обитель устроися по-прежнему. Что есть сего вящше нам требовати извещения о сих окаянных арменоподражателях, сиречь расколницех? Воистинну убо врази суть Божии и святыя Церкви противницы и врази, а бесовом друзи»²⁰.

Наиболее яркими в литературном отношении вставными эпизодами в «Сибирские послания» являются «повести» о старообрядческих «гарях»²¹, входящие в виде обособленных текстов в композиционную структуру Третьего послания. Повести представляют собой литературные версии реальных событий – массовых старообрядческих самоожжений второй половины XVII в. В основном митрополит Игнатий писал о самоожжениях в Урало-Сибирском регионе, которые происходили до его назначения в Сибирскую епархию, во времена служения его предшественника на митрополичьей кафедре – Павла. Игнатий резко осуждал учение старообрядцев о добровольной «огненной смерти», обличая лидеров старообрядческого протестного движения, распространявших идею «второго огненного крещения», в котором они видели средство спасения от наступающего царства антихриста.

Авторская реконструкция каждого из состоявшихся в разное время массовых старообрядческих самоожжений выполнена с использованием литературных приемов

¹⁶ Там же.

¹⁷ Хорошо известно, что и другая сторона исторического конфликта – старообрядцы, находившиеся в осаде в Соловецком монастыре, – также апеллировала к чудесам, которые подтверждали справедливость их взглядов. Получившие литературное оформление события, происходившие во время осады «сидения», отразили чудеса, связанные с этими временами (например, благоухание мощей преподобного Иринарха, бывшего Соловецкого игумена). Об этом см.: [Серман, с. 108–109].

¹⁸ В Соловецкий монастырь Игнатий был назначен на должность епископа (уставщика) в 1676 г., вскоре после подавления Соловецкого восстания (1667–1676). Здесь он приводил богослужение в соответствии с новыми положениями и требованиями церковной реформы. См.: [Никулин, 2009, с. 125].

¹⁹ Цит. по: Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) ... С. 226–227.

²⁰ Там же. С. 227.

²¹ Данные сюжетные вставки в свое время послужили для исследователей-историков важным источником, дополняющим архивные документы, при изучении старообрядческих самоожжений в Урало-Сибирском регионе (см.: [Шашков, с. 81–179; Пулькин]).

и образных средств. Художественную специфику всех этих рассказов определяют мотивы и образы из Священного Писания, элементы топики жанра видений и чудес. Здесь можно вспомнить, например, один из ярких образов, использованных в повести «О мурашкинских згоревших»²², – явление бесов над объатым пламенем овином, в котором погибли старообрядцы (эпизод позволял автору и читателям сделать заключение о пагубности идеи «огненной смерти»). В повестях о «гарях» часто присутствуют образы ада, геенского огня, используется мотив голосов из загробного мира (говорится об исходящих из-под земли стенаниях и воплях огненных смертников, сожалеющих о случившемся). Примечательно, что каждый рассказ сопровождается заключением назидательного характера, в котором представлена авторская трактовка трагического события. Митрополит Игнатий всякий раз подчеркивает, что самовольная гибель староверов в огне неизменно приводит не к спасению через «второе огненное крещение», а к адской пропасти на вечные мучения. Например, одна из повестей («О Ваське, томском еретике») заканчивается такими словами: «Сицевою погибелию окаянный он Васька и вси, послушающии его, погибоша и во ад сошедше, в геенских муках о погибели своей восклицают и бесполезно рыдают». В повести отражены события «гарей» 1690 и 1691 гг. в д. Поломошной Томского уезда, организатором которых был Василий Шапошников – один из лидеров протестного движения сибирских старообрядцев.

Подобные художественно оформленные нарративы играли важную роль в полемическом дискурсе автора «Сибирских посланий». Сюжетные вставки, повествующие о событиях с трагическим исходом, которым сопутствовали разного рода устрашающие знамения, усиливали эмоциональное воздействие текста на читателей и слушателей (паству митрополита Игнатия: простых крестьян, посадских и служилых людей), помогали автору эпистолярного комплекса в иллюстративной, доходчивой форме донести до них тот смысловой посыл, который он вкладывал в свое назидательное повествование. Каждая из повестей о «гарях» отражала его отношение к поборникам «старой веры» и их учению об «огненной смерти». Повести о «гарях», как и другие тексты сюжетного повествования, ставшие составными частями посланий, выполняли, таким образом, дидактическую функцию. При этом адресатами пастырских увещаний митрополита Игнатия были не только старообрядцы, но и те, кто мог быть вовлечен в орбиту их влияния [Панич, 2019].

Важнейшее место в церковной публицистике XVII в. традиционно занимали сюжеты из Священного Писания. Остановлюсь лишь на двух из множества библейских сюжетов, нашедших отражение в рассматриваемых сочинениях.

Первый из них – популярный апокалиптический сюжет «Жена, облеченная в Солнце» (Откр 12: 1–6). Его, например, использовали и составители «Щита веры», и Игнатий (Римский-Корсаков) в своих «Сибирских посланиях». Митрополит Игнатий цитировал этот сюжет в перифразах дважды: в Первом и Третьем посланиях комплекса. Приведу (с небольшими сокращениями) фрагмент из Первого послания, где писатель обращается к идейным вождям старообрядцев, опираясь на священный текст: «О нечестивии! О сквернии! Како не убоястися таковая помышляюще и пишуще, и учаще... и на святую свою Матерь, божественную Церковь Христову, таковая хуления, яко воду от уст своих змиинных испустисте? Но Церковь убо святая на камени веры Христовы крепче стоит, и аще писанный во Откровении, сиречь во Апокалипсисе во главе 12, змий, стоящий пред Женою, облеченною в Солнци, хотящею родити, еже есть святую Церковию, хотящею раждати святым крещением верных людей. И тое рождение ея

²² Приведенная митрополитом Игнатием история на тему «гарей» не относится к событиям в Сибири. Она рассказывает об одном из старообрядческих самосожжений, имевших место в Нижегородском уезде в начале 1670-х гг. [Смирнов, с. 54–55].

восхитися к престолу Божию. И егда виде змий, яко низвержен бысть, гоняше жену. Жена же, еже есть святая Церковь, бежа от лица змиина в пустыню, еже есть в терпении укоризн. И тогда испусти змий за женою от уст своих воду многу, яко реку, да ея в реце потопит»²³.

И в заключение автор «Сибирских посланий» дает свою трактовку сакрального текста, проецируя испущенную библейским змием реку на антицерковные высказывания и действия идейных вождей урало-сибирского раскола: «Река же есть хуление сих злых еретиков арменина и Лепихина, и Венгерскаго»²⁴. В «Щите веры» гонителями церкви являются все те, кто подпал под влияние западной церкви и является проводником ее учения.

Второй пример – ветхозаветный сюжет о бедной вдове из Сарепты Сидонской (3 Цар 17: 8–16). Он нашел отражение в небольшом публицистическом сочинении, поучительном «Слове о больнице Федора Ртищева», написанном, по-видимому, Евфимием Чудовским и поднимающем тему милостыни и нищелюбия. Согласно библейскому тексту, некая вдова накормила пророка Илию, приготовив еду из остатков своих скудных запасов, и за это благодеяние была вознаграждена свыше: мука и масло в ее доме длительное время не истощались, но чудесным образом «умножались», хотя из-за засухи и неурожая в этой местности долгое время был голод. Автор «Слова о больнице» передает содержание сюжета в кратком пересказе, включив его в собственные дидактические рассуждения о душеспасительной пользе благотворения, подаяния милостыни «по силе», без боязни потери собственных средств существования. Он пишет: «В подаянии убо милостыни не подобает бояться оскудения и умаления имений, ни едином бо художеством и хитростию, яко милостынею скоро возможет кто обогатится, подавай обилно по силе, яко показывает в Сарепте вдова, яже и за горсть муки пищею в гладе доводяшся на два лета и месяцы шесть и не оскуде, милостыня бо даная умножаше оную горсть муки и чванец елеа»²⁵.

Оба приведенных сюжета в структуре публицистического текста приобретают значимую роль. Сюжет о Жене, облеченной в Солнце, выполняет функцию аргумента в споре авторов «Щита веры» и «Сибирских посланий» (в первом случае с западниками-«латинствующими», во втором – с противниками церковной реформы), утверждения, доказывающего несокрушимость церкви перед лицом любых угроз и гонений. В «Слове о больнице» библейскому рассказу о бедной вдове отведена роль нравственного назидания: поступок женщины, уже приготовившейся со своим сыном к смерти от голода и отдавшей гостю (пророку Илию) последние запасы пищи, но вознагражденной Богом за свое благодеяние и спасенной от голодной смерти, служит для читателя образцом нравственного поведения истинного христианина.

Используя сюжеты Священного Писания, его многочисленные мотивы и образы, авторы рассматриваемых произведений продолжают традиции средневековой литературы, обильно насыщенной библейскими цитатами. Думается, что изучение библейских цитат в публицистике второй половины XVII в. должно стать предметом отдельного исследования, принимая во внимание многоаспектные семантические возможности сакральных текстов, результаты анализа использования которых могут оказать помощь в более глубоком понимании письменной культуры переходной эпохи.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во всех кратко проанализированных сочинениях церковных публицистов второй половины XVII в. по традиции широко использовалось сюжетное повествование в виде целых произведений, но чаще в виде

²³ Цит. по: Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова). С. 167.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: Панич Т. В. Слово о больнице Федора Ртищева (к теме нищелюбия в литературе второй половины XVII в.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 193.

отдельных сюжетов или их структурных компонентов. Такие сюжетные включения выполняли разные функции в полемическом дискурсе авторов. Они служили одним из средств создания текста. Будучи встроенными (часто в переосмысленном виде) в композиционную структуру определенного сочинения, они становились элементами этой структуры, приобретая статус одной из органичных частей текста в целом, усложняя его архитектуру и смысловое поле. Кроме того, вставные эпизоды сюжетного типа за счет содержащихся в них художественных деталей усиливали литературное начало публицистических трудов, служили для церковных писателей своеобразным иллюстративным материалом, позволяющим сделать высказывание более доступным для читателей. И наконец, сюжетные тексты использовались в качестве аргументов в полемике с идейными противниками, будь то старообрядцы или выразители иных взглядов, чуждых учению православной церкви. Как правило, подобные тексты производили эмоциональное воздействие на слушателей или читателей, особенно если они содержали элементы чуда: чудо как знак божественной воли приобретало значение непреложного аргумента в защиту позиции автора того или иного публицистического сочинения.

Литература

- Белокуров С. А. Кто автор Увета духовного? // Христианское чтение. 1886. Т. 2. С. 163–177.
- Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198.
- Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872. 24 с.
- Никулин И. А. Игнатий (Римский-Корсаков) // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 125–127.
- Никулин И. А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 312 с.
- Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.
- Панич Т. В. Летописное сказание об Андрее Первозванном в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского // Материалы к словарю сюжетов русской литературы. Новосибирск, 2010. Вып. 9. Лирические и эпические сюжеты. С. 19–31.
- Панич Т. В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. № 2 (26). 2019. С. 124–142.
- Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М., 2013. 334 с.
- Серман И. Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII веков // Русская литература. 1995. № 2. С. 104–114.
- Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. 592 с.
- Цветаев Д. В. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. [4], 178, 2 с.
- Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 733 с.

References

- Belokurov, S. A. Kto avtor Uveta dukhovnogo? [Who is the Author of *Spiritual Admonition?*]. In *Khristianskoe chtenie*. 1886. Vol. 2. Pp. 163–177.
- Gavrilov, A. Literaturnye trudy patriarkha Ioakima [Literary Works by Patriarch Joachim]. Saint Petersburg, 1872. 24 p.
- Nikulin, I. A. Ignatii (Rimskii-Korsakov) [Ignatius (Rimsky-Korsakov)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009. Vol. 21. Pp. 125–127.
- Nikulin, I. A. Preosvyashchennyi Ignatii (Rimskii-Korsakov), mitropolit Sibirskii i Tobol'skii [Eminent Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Ekaterinburg, 2015. 312 p.
- Panich, T. V. Kniga "Shchit very" v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka [The Book *Shield of Faith* in Historic and Literary Context of the End of the 17th Century]. Novosibirsk, 2004. 327 p.

- Panich, T. V. Letopisnoe skazanie ob Andree Pervozvannom v "Uvete dukhovnom" Afanasiya Kholmogorskogo [Chronicle of Andrew the First-Called in the *Spiritual Admonition* of Athanasius Kholmogorsky]. In *Materialy k slovaryu syuzhetov russkoi literatury*. Novosibirsk, 2010. Issue 9. Liricheskie i epicheskie syuzhety. Pp. 19–31.
- Panich, T. V. Povesti o staroobryadcheskikh "garyakh" iz Sibirskikh poslanii Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) [Stories about Old Believer's 'burns' in the siberian epistles by Ignatius (Rimsky-Korsakov)]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 2 (26). 2019. Pp. 124–142.
- Pul'kin, M. V. Samosozhzheniya staroobryadtsev (seredina XVII – XIX v.) [Old Believers Self-Immolation (Middle of the 17th – 19th Century)]. Moscow, 2013. 334 p.
- Serman, I. Chudo i ego mesto v istoricheskikh predstavleniyakh XVII–XVIII vekov [The Miracle and Its Place in Historical Representations in the 17th – 18th Centuries]. In *Russkaya literatura*. 1995. No. 2. Pp. 104–114.
- Shashkov, A. T. Izbrannye trudy [Selected Works]. Ekaterinburg, 2013. 733 p.
- Smirnov, P. S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym [Inner Issues of Dissent in the 17th Century. Research of Beginning of Dissent History according to Newly Acquired Memorials, Published and Manuscript]. Saint Petersburg, 1898. 592 p.
- Tsvetaev, D. V. Literaturnaya bor'ba s protestantstvom v Moskovskom gosudarstve [Literary Struggle against Protestantism in the Muscovite State]. Moscow, 1887. [4], 178, 2 p.
- Voronova, L. B. Arkheograficheskii obzor spiskov sochinenii Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Archaeographical Review of Copies of Works by Ignatius Rimsky-Korsakov]. In *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii*. Novosibirsk, 1984. Pp. 193–198.

Tamara V. Panich

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

PLOT NARRATION IN THE CHURCH PUBLICISM
OF THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY

Plot narration in the church publicism of the second half of the 17th century is studied in the article based on the materials of the literary heritage of the writers' community of the Patriarch's circle. Among other texts, the books *Spiritual Admonition* and *Shield of Faith* associated with Athanasius Kholmogorsky, and *Siberian Epistles* by Ignatius (Rimsky-Korsakov) are used. The analysis includes consideration of the features of the plot narration in the structure of the chosen writings, determination of the specifics of the author's interpretation and plot adaptation, and their role and functions in the polemical discourse of the church writers and publicists of the second half of the 17th century.

Keywords: church writers of the 17th century, publicism, sources, plot narration

